

Андрей Десницкий

40

вопросов

О БИБЛИИ

Андрей Сергеевич Десницкий

Сорок вопросов о Библии

Серия «Азы православия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11828338

Сорок вопросов о Библии / А. С. Десницкий. – Изд. 2-е. : ДАРЪ; Москва;

2014

ISBN 978-5-485-00359-3

Аннотация

В книге библеиста Андрея Десницкого вы найдете конкретные и понятные ответы на те вопросы, которые появляются при чтении библейского текста. Главная цель издания – помочь читателю открыть для себя удивительный мир Библии.

Содержание

От автора	5
1. Почему Библии бывают разными?	7
Откуда взялась Библия?	8
Библия – это канон	11
Библия – это перевод	13
Библия – это интерпретация текста	16
2. Что такое богодухновенность?	18
Бог и человек – соавторы	19
Как это получилось?	22
Авторство, авторитет, непогрешимость	27
3. Что такое библеистический канон?	33
Канон – это образец	34
Чужие книги	37
Что же читать в Церкви?	40
Есть ли граница между Писанием и	44
Преданием?	
4. Как соотносятся Писание и Предание?	48
А что есть Предание?	49
Писание в центре Предания	52
Предание как понимание	55
5. Что такое апокрифы?	60
Книги на границе Библии	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Андрей Десницкий

Сорок вопросов о Библии

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви No ИС 11-105-0393

От автора

Люди читают Библию – и это прекрасно. Впрочем, очень часто они ее не читают... но в любом случае они задают вопросы. Что это за книга, откуда она взялась, почему мы можем быть уверены, что она нас не обманывает? Как относиться к разным толкованиям, к нестыковкам в самом тексте, к его «альтернативным версиям»? Наконец, что это за странные слова, понятия, идеи встречаются на страницах библейских книг, что они означают и как воспринимать их нам сегодня?

Нет числа подобным вопросам, но я решил отобрать сорок из них и постараться на них ответить. Среди них нет ни одного вопроса «по Библии», о толковании того или иного трудного места. Такие вопросы тоже возникают, и я надеюсь когда-нибудь написать книгу и о них. Но в этой затрагиваются только такие, которые касаются Библии в целом или больших ее частей – потому они и называются «вопросы о Библии».

Книга обращена, как говорили раньше, «к массовому читателю». Здесь практически нет узкоспециальных терминов, редкие слова на древних языках приводятся в русской транскрипции, а понятия, которые известны не всем, разъясняются. Основу этой книги составили статьи, опубликованные в разных периодических изданиях: «Фома», «Нескуч-

ный сад», «Альфа и омега», «Христианос», и некоторые другие.

Часть статей вошла в почти неизмененном виде, а часть была заметно переработана. Кое-что написано заново.

Библия цитируется, за редчайшими исключениями, в привычном нам Синодальном переводе. Ссылки даются по традиционной системе сокращенных обозначений, например:

Быт 1:2 – Бытие, 1-я глава, 2-й стих;

1 Цар 1:2, 3:4 – Первая книга Царств, 1-я глава, 2-й стих, и 3-я глава, 4-й стих;

Лк 1:2–4 – Евангелие от Луки, 1-я глава, стихи со 2-го по 4-й.

Отзывы о книге можно отправить по адресу: а. desnitsky@gmail.com.

1. Почему Библии бывают разными?

Какую Библию можно читать? Для простоты можно ответить: православным – ту, которая издана по благословению Патриарха. Но откуда же тогда взялись все остальные? Они что, все еретические, неправильные? И как относиться к изданиям Библии не на русском языке – они ведь тоже не одинаковы, о патриаршего благословения нет ни на одной? Да и вообще, разве у христиан не одна Библия? А если не одна, может ли оно быть Словом Божиим?

Откуда взялась Библия?

Слово «Библия» в переводе с древнегреческого означает «книги» (ср. слово «библиотека»), так что это не одна книга, а целое собрание книг. Их написали люди, как верят христиане, вдохновленные Святым Духом. А затем другие люди сохраняли и переписывали эти книги, потому что никакой оригинал не вечен, и определяли, какие из книг войдут в состав Священного Писания.

Библейские авторы жили в разных странах в разные времена и говорили на разных языках – древнееврейском и арамейском (Ветхий Завет) и древнегреческом (Новый Завет). Но дело не только в языке в строго лингвистическом смысле этого слова, язык культуры бывает не менее важен. Если бы Библия возникла в Японии, на ее страницах мы бы встретили цветущую сакуру и самурайские мечи, а если бы в Австралии – то бумеранги и кенгуру.

Назвали Библию Библией тоже люди. Книга может стать Священным Писанием только в общине верующих, которые признают ее авторитет, определяют ее канон (точный состав), истолковывают и, наконец, сохраняют ее. Христиане верят, что все это происходило под воздействием того же Святого Духа, Который побуждал писать авторов библейских книг. Точно так же Дух необходим нам и сегодня для верного понимания написанного. Но Дух не отменяет чело-

веческой индивидуальности и свободы – скорее наоборот, он позволяет ей раскрыться в полноте. И значит, евангелист Марк писал совсем не так, как Иоанн, пророк Исайя – не так, как пророк Иеремия. Чтобы понять сказанное ими, нужно учитывать и личные особенности каждого из них, и то, что их объединяет.

В те времена не было ни печатного станка, ни Интернета и книги переписывались от руки, обычно на очень недолговечном материале – папирусе. Трудно поверить, но даже во времена апостолов не существовало таких привычных сегодня деталей книги, как оглавление, примечания, пунктуация или хотя бы пробелы между словами. Евреи, правда, делали пробелы между словами, зато они не обозначали на письме большинство гласных. Знаменитая фраза «казнить нельзя помиловать» – мелкое затруднение по сравнению с теми вопросами, которые могут возникать при толковании библейского текста.

Поэтому библейские рукописи далеко не одинаковы – собственно, всякий, кто когда-нибудь переписывал конспекты, знает, что в мире вообще не существует двух совершенно одинаковых рукописей. Оригиналы до нас не дошли, а в копии с копий неизбежно вкрадывались искажения и разночтения, а порой значение старых слов забывалось, и потом заботливый переписчик, стремясь исправить несуразности или неточности лежащего перед ним текста, уводил его еще дальше от оригинала.

Но тогда, может быть, вообще не существует никакой единой Библии, а есть только множество рукописей, в чем-то сходных, а в чем-то и отличающихся друг от друга? Так, пожалуй, и получилось бы в конце концов, если бы не было общины верующих, которые считают это собрание книг своим Священным Писанием, бережно передают его из поколения в поколение, занимаются его толкованием и изучением. То есть Библия – это прежде всего книга, рожденная в Церкви, хотя прочесть и постараться понять ее может каждый, вне зависимости от своих убеждений и вероисповедания.

Среди тысяч дошедших до нас библейских рукописей нет двух совершенно одинаковых, но можно только удивляться, что нет и таких, в которых мы нашли бы какие-то принципиально другие учения – например, что небо и землю сотворил не Единый Бог или что этот Бог разрешил убивать, красть и лжесвидетельствовать. Хотя греческая версия книги Есфирь на треть длиннее еврейской и в этой полной версии мы видим много дополнительных деталей, но это совершенно та же история.

Так что же это такое – Библия?

Библия – это канон

Во-первых, Библия – это *собрание* книг. Для христиан оно делится на две части: Ветхий и Новый Заветы. Слово, которое переводится как «завет», можно было бы перевести еще и как «договор». Действительно, речь в этих книгах идет о двух договорах, двух стадиях отношений Бога с людьми. Впрочем, иудеи не признают Нового Завета, потому их Библия, которую они еще иногда называют Танахом, включает только 39 книг.

Но христиане согласны с иудеями в том, что Завет, то есть договор, изначально был заключен Богом с народом Израиля при посредничестве Моисея на горе Синай. Книги Ветхого Завета повествуют о том, что предшествовало этому договору (сотворение мира, грехопадение первых людей, призвание Авраама и история его потомков); о том, как этот договор был заключен, и о том, как он воплощался в истории израильского народа. Все события из жизни этого народа понимаются в свете отношений Бога и Его народа, и только во вторую очередь они имеют политическое, социальное или экономическое значение.

Канон, или состав Ветхого Завета, у разных христианских общин не одинаков. Русская Православная Церковь признает 50 книг, примерно столько же (с минимальными отличиями) насчитывают другие православные и католики. Но еще

со времен Реформации, когда западные христиане разделились на протестантов и католиков, протестанты не признают библейскими те книги, которые не вошли в иудейский канон, и называют их *апокрифическими* (другие названия – *второканонические* или *неканонические* книги). К их числу относятся, например, Премудрость Соломонова и книга Товит.

Новый Завет, заключенный Иисусом Христом, раздвинул границы избранного народа до всего человечества. Книги Нового Завета повествуют о рождении, жизни, учении, смерти и воскресении Иисуса Христа и о зарождении христианской Церкви – общины Его последователей. Во всех Церквях, кроме экзотической эфиопской, в Новом Завете насчитывают 27 книг. Это 4 Евангелия, то есть повествования о Христе, Деяния апостолов, то есть история зарождения Церкви, 21 Послание апостолов, наставлявших верующих и отвечавших на их вопросы о вере и жизни, и Откровение (по-гречески «апокалипсис») – страшная, но вместе с тем и радостная книга о конце света и конечной победе добра над злом. У эфиопов к ним добавились и некоторые апокрифы, то есть книги, повествующие примерно о тех же вещах, но не входящие у нас в состав Священного Писания (подробнее о каноне будет сказано в 3-й главе).

Библия – это перевод

Во-вторых, Библия, которую мы берем в руки, – это определенный *перевод*. Ветхий Завет был написан в основном на древнееврейском языке, а отдельные его части – на близкородственном ему арамейском. На этих языках говорили Иисус и Его первые ученики, но Новый Завет, как ни странно, от начала до конца написан на совершенно ином языке – древнегреческом. Дело в том, что в I в. н. э. в восточной части Римской империи греческий язык был языком межнационального общения, как русский в бывшем СССР. И потому с самого начала христианство оказалось, по выражению С.С. Аверинцева, «обречено на перевод». На родном языке Иисуса не сохранилось ни строчки, а Его последователи с самого начала предпочли не создавать особого «священного» языка и решили писать так, чтобы быть понятыми как можно большим числом читателей.

Следовательно, проповедь христианства в том или ином народе обычно начиналась с перевода избранных библейских книг. Не стали исключением и славяне, для которых Библию начали переводить святые Кирилл и Мефодий. Впрочем, языки со временем меняются, и потому постоянно возникает потребность в новых редакциях или совершенно новых переводах. Вплоть до XVIII в. славянский перевод постоянно уточнялся и исправлялся: вышедшие из обихода и

непонятные слова заменялись новыми, существующие версии сравнивались с более авторитетными греческими рукописями. Славянская Библия, которую мы сегодня слышим в церкви, называется иногда Елизаветинской, т. к. свою окончательную форму она приобрела в царствование Елизаветы Петровны в 1751 г. Ее текст, конечно, уже заметно отличается от кирилло-мефодиевских переводов.

Но в XIX в. все более ощутимой стала потребность в русском переводе: даже многие образованные люди уже неохотно пользовались славянским языком, и Пушкин, к примеру, предпочитал читать Библию... по-французски. После долгих споров и сомнений и Церковь, и государственная власть согласились на создание такого перевода, и в 1870-е гг. в свет был выпущен перевод, который мы сегодня называем Синодальным и который мы в основном и используем.

Разумеется, на этом история переводов на русский язык не завершилась. В XX в. и в начале XXI было создано немало новых переводов на русский язык отдельных книг или даже всей Библии (или отдельно Нового Завета). Они очень разные, эти переводы: одни были выполнены учеными, тщательно исследовавшими все гипотезы о точном значении того или иного слова, другие – поэтами, которые стремились передать на своем родном языке всю красоту оригинала, а некоторые были сделаны на скорую руку случайными людьми – наверное, из лучших побуждений, но далеко не на должном уровне... Впрочем, и по сей день самым известным

и читаемым остается Синодальный перевод.

Библия – самая переводимая книга в мире; даже Маркс и Ленин в советские времена не могли сравняться с ней по числу языков перевода. Тем не менее до сих пор остается немало языков, на которых нет полной Библии или хотя бы полного Нового Завета, и среди них – большинство языков, на которых говорят в Российской Федерации. Собственно, основная работа автора этих строк на протяжении последних десяти с лишним лет состояла как раз в том, чтобы помогать людям из этих народов создать свою национальную версию Библии.

Библия – это интерпретация текста

Если уж речь зашла о переводе, то тут придется вспомнить, что любой перевод делается с того или иного *варианта* текста. Например, в русских изданиях Синодального перевода можно встретить и краткую (с еврейского текста), и полную (с греческого) версию книги Есфирь. Краткая будет содержаться в протестантских, а полная – в православных изданиях, потому что протестанты стараются следовать еврейскому варианту, а православные – греческому. Точно такие же «сокращения» будут содержаться у протестантов в конце книги Даниила и в отдельных местах иных книг.

Наконец, любой перевод предполагает и определенную *интерпретацию* текста, поскольку смысл многих слов нам до конца неясен, а найти древнего грека или еврея, чтобы расспросить об этих словах, к сожалению, невозможно. Значит, нам приходится опираться на толкования наших предшественников, которые тоже не во всем согласны бывают меж собой, или даже предлагать самостоятельные догадки – конечно, при условии, что с нашей стороны это не пустые фантазии, а результат тщательного анализа. Такой анализ принято называть *экзегетическим*, само слово *экзегеза* в переводе с древнегреческого языка и означает «толкование».

В любом случае Библия, которую мы раскрываем, – это еще и звено многовековой *традиции*, а точнее, многих тра-

дий. Одни из них уводят нас в седую ближневосточную древность или греко-римскую античность, другие – к средневековым переписчикам и толкователям, третьи – к нашим современникам, живущим во всех уголках мира и говорящим на множестве языков.

А пользоваться, на самом деле, можно любым изданием – просто надо понимать, что каждое из них отражает чье-то видение этого текста, которое может оказаться далеко не единственно возможным, а в каких-то случаях и ошибочным. Чтобы застраховать себя от ошибок, люди и прибегают к своего рода «знакам качества», вроде патриаршего благословения. Но Синодальное или любое другое издание, на котором такое благословение есть, – далеко не единственно правильный и возможный текст. Он, скажем так, достаточно надежен и хорош, чтобы им пользоваться, но могут существовать и другие издания, которые окажутся ничуть не хуже. С самого момента выхода Синодальной Библии в свет она соседствует на книжных полках с Библией церковнославянской; они различаются и по тексту, с которого делался перевод, и по интерпретации некоторых мест, но обе они приняты в Русской Православной Церкви. Не исключено, что в будущем такой же статус может получить и некий другой перевод...

Обо всем этом мы и поговорим дальше подробнее, чтобы читатель мог лучше разбираться в подобных вещах.

2. Что такое богодухновенность?

Когда христиан спрашивают, чем Библия отличается от всех других замечательных и мудрых книг, они начинают говорить о богодухновенности, имея в виду, что Библия написана не просто людьми, но по Божиему вдохновению. Что на самом деле это означает? Откуда взялось само слово «богодухновенность»?

Бог и человек – соавторы

Понятие богодухновенности (иногда говорят «боговдохновенность», более на русский, чем на славянский лад) у христиан появилось еще до того, как у них сложился Новый Завет. О нем, как о чем-то само собой разумеющемся, говорили в своих посланиях апостолы: «...никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Петр 1:20–21). «Всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим 3:16).

При этом сама Библия никак не раскрывает понятия богодухновенности и даже не дает нам списка богодухновенных книг. Кроме того, она может ссылаться на книги, которые заведомо в этот круг не входят. Например, Послание Иуды в 9-м стихе рассказывает о споре Ангела и сатаны. В Библии мы нигде ничего подобного не найдем – этот сюжет взят из текста под названием «Вознесение Моисея», который никогда и нигде не считался частью Священного Писания.

Так что если автором библейского текста мы называем Самого Бога, а текст – данным свыше Откровением, то вопросы здесь только начинаются. Библейские тексты не упали к нам с неба, они были написаны людьми (и мы даже не всегда зна-

ем, кем именно) – так как же сочетается Божественное авторство с человеческим? Можно ли воспринимать библейский текст в его нынешнем виде как прямую и непосредственную передачу слов Бога?

Оказывается, представление о богодухновенности Библии было неодинаковым в разные времена и у разных авторов. Все отцы Церкви, которые касались этого вопроса, подчеркивали, что Бог действительно Автор Библии. Некоторые даже сравнивали человеческих авторов с музыкальными инструментами, на которых играл Бог, но, по-видимому, это было, скорее, риторическое преувеличение: в те времена слишком многие сомневались в Божественном происхождении Библии. Впрочем, в святоотеческой литературе мы встречаем указание на то, что авторы не утрачивали сознания и естественных способностей: они вовсе не были медиумами, в состоянии транса записывавшими весть свыше. Святитель Иоанн Златоуст особо подчеркивал, что такими медиумами могли быть только лжепророки, а истинные пророки не теряли своей индивидуальности, когда передавали людям Слово Божие.

В особенности значимым и ясным стало такое отношение христиан к истинному пророчеству во времена возникновения и распространения ислама. Для мусульман Коран существовал прежде сотворения мира и в свое время был буквально продиктован пророку Мухаммеду, слово в слово, без малейших отступлений от небесного оригинала. Но христи-

ане относятся к своему Писанию иначе: если для мусульман воплотившееся в мире Слово Божие – это книга, то есть Коран, то для христиан это Богочеловек Иисус Христос, а Библия – книга, которая рассказывает о Нем и о множестве других личностей. Но первична не книга, а Тот, о Ком она говорит.

В любом случае для христиан принципиально важно одно: библейские книги написаны людьми, которых вдохновил Святой Дух.

Как это получилось?

В древней Церкви споров о «технологии» богодухновенности не было, они начались, по сути, в Западной Европе во времена Реформации в XVI в. В значительной мере это было связано с провозглашенным протестантами принципом *Sola Scriptura* (только Писание), согласно которому только Библия может служить источником вероучения (у православных и католиков огромную роль играет церковное Предание, о чем мы еще будем говорить в 4-й главе). Если считать так, то действительно крайне важным становится проведение четкой границы между Писанием и всем остальным. Поэтому основатели протестантизма М. Лютер и Ж. Кальвин, отталкиваясь от упомянутых выше апостольских цитат (2 Петр 1:20–21 и 2 Тим 3:16), повторили слова о библейских писателях как инструменте, на котором играл Дух. Их последователями в XVII–XVIII вв. была выработана целая теория такой буквальной диктовки свыше, которой мы, кстати, не найдем у раннехристианских авторов.

Одновременно появились и другие теории – например, что Дух передал библейским авторам лишь содержание Откровения, а они записали его своими словами. Такая теория отдает должное стилистическому разнообразию библейских книг: в самом деле, почему Дух диктовал Луке иначе, чем Матфею? Однако эта точка зрения была отвергнута основ-

ными столпами Реформации: «Святой Дух вдохновлял пророков и апостолов не только в том, что касается содержания и смысла Писания или значения слов, так что они могли по своей собственной воле облекать и украшать эти мысли своим собственным стилем и словами, но Святой Дух действительно поддерживал, вдохновлял и диктовал самые слова, всякое и каждое выражение по отдельности» – вот что утверждал в конце XVII в. протестантский богослов И. Квештedt.

Интересно, что при этом статус такого продиктованного свыше текста Ветхого Завета присваивался именно еврейской (так называемой Масоретской) Библии, хотя она окончательно сложилась в иудейской среде уже после разделения иудаизма и христианства. Впрочем, само представление о буквальной диктовке свыше вполне соответствует традиционным иудейским взглядам: всё Пятикнижие (Тора) было непосредственно продиктовано Богом Моисею на горе Синай. Такая точка зрения была принята и католиками на Тридентском Соборе 1546 г.; но уже в 1870-м г. на I Ватиканском Соборе определение о «диктовке Святого Духа» было заменено на «вдохновение Святого Духа».

Среди православных, пожалуй, и не было таких активных споров о «технологии» богодухновенности, – вероятно, потому, что Писание воспринималось не как нечто, противостоящее Преданию, то есть опыту церковной жизни во всем его многообразии, а как центральная часть этого Предания.

Таким образом, незачем было выстраивать стену, отделявшую одно от другого.

Во второй половине XIX – начале XX в. споры о природе богодухновенности приняли на Западе достаточно острый характер. С одной стороны, возникло, прежде всего в протестантской среде, либеральное направление, которое видело в Библии документ, практически не отличавшийся от любого другого исторического памятника, а в богодухновенности – всего лишь некий изначальный импульс, побудивший автора взяться за работу. Господь открывает людям некоторую Истину, а дальше они своими словами, как могут и умеют, записывают то, что им открылось.

Разумеется, при таком подходе Библия, по сути, не отличается от какого-нибудь гениального художественного произведения, в котором мы видим ответ Откровения, – ведь любой поэт или художник может черпать свое вдохновение свыше. Как реакция на эту крайность в протестантизме возникло движение, настаивавшее на понимании Библии как буквально продиктованного Богом текста. Оно получило название *фундаментализма*, поскольку его сторонники последовательно отстаивали самый фундамент своей веры, каким они его видели. Сегодня, конечно, крайне либеральных, равно как и фундаменталистских взглядов могут придерживаться не только протестанты, но и католики, и православные, и вообще любые верующие – вот почему нередко говорят о «православном» и любом другом, например, «исламском»

фундаментализме». Но изначально этот термин был связан именно с протестантизмом.

Впрочем, на Западе постепенно выработался средний, уравновешенный взгляд на вопрос о природе богодухновенности. Так, у католиков II Ватиканский Собор (1965 г.), утверждая безошибочность книг Писания в деле спасения, в то же время признавал человеческую ограниченность авторов библейских книг. Но еще задолго до того многие православные богословы настаивали именно на таком подходе: Библия писалась людьми, которые не были, в отличие от Бога, всеведущими. Они ничего не знали об Америке или об Австралии, о современной ядерной физике или о генетике; они описывали свой собственный мир. Сегодня у нас гораздо больше, чем у них, знаний в сфере естественных наук, но в деле богопознания мы по-прежнему остаемся их учениками.

Да и сами библейские авторы явственно выделяют в своем тексте Божественное и человеческое начала. В 5-й главе Исайи или в 15-й главе Иеремии мы видим примеры диалога пророка и Бога, и таких примеров в Библии немало. Или возьмем вот эти слова апостола Павла: «Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя. Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю» (1 Кор 1:14–16). Совершенно очевидно, что это не глас с неба, а личный рассказ Павла; более того, он сначала думает, что крестил только Криспа и Гаия, потом вспоминает, что еще крестил

Стефанов дом, и заканчивает признанием: он и сам точно не помнит, может быть, там был кто-то еще. Это слова человека, чья память несовершенна, а вовсе не всеведущего Бога.

В другом месте того же послания он ясно разделяет Божию заповедь и собственное мнение: «Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть

Ему верным» (1 Кор 7:25). То есть прямо предупреждает читателя: это уже я говорю, а не Господь. Но все эти детали не имеют никакого вероучительного значения, и потому нет оснований говорить, что Павел мог что-то «напутать» в самом своем богословии, – нет, он, безусловно, передавал людям Слово Божие, но делал это не механически, не теряя при этом индивидуальности.

Помимо прочего, всякий текст – не просто содержание, обернутое в какую-то подходящую форму, как подарок оборачивают в красивую бумагу, но единство формы и содержания. Если каким-то свойством, в частности богодухновенностью, обладает содержание, то невозможно сказать, что это никоим образом не касается формы. Иными словами, простых решений, которые бы «раскрывали механизм» богодухновенности, у нас нет, и они едва ли могут появиться в будущем.

Авторство, авторитет, непогрешимость

С вопросом о богодухновенности нередко путают вопрос об *авторстве* и об *авторитете* тех или иных библейских книг. К примеру, с древних времен возникали сомнения, что Послание к Евреям написано самим апостолом Павлом; его авторство отрицает и большинство современных ученых. Значит ли это, что они относятся к нему с неким недоверием, считают его вторичным, недостоверным? Вовсе нет. Библейские тексты считаются Священным Писанием не потому, что их написал особо уважаемый человек (для многих ветхозаветных книг мы просто не знаем автора), а потому, что община верующих, то есть Церковь, увидела в них адекватное отражение своей веры, и авторство здесь не играет главной роли.

В самом деле, в канон Нового Завета не было включено послание Павла к лаодикийцам, не говоря уже о Евангелиях, носивших имена апостолов Петра, Фомы и Иуды, но было включено Евангелие от Луки, который даже не был очевидцем описываемых им событий. Да и отношение к авторству в древности было совсем иным, чем сегодня. Псалтирь называется «Давидовой», а Притчи «Соломоновыми» потому, что они продолжают традицию, связанную с этими именами, но в Псалтири мы легко найдем псалмы, которые не мог на-

писать Давид (например, 136-й, говорящий о вавилонском плене), а в Притчах – изречения других царей, даже не израильтян по происхождению (гл. 30–31).

Некоторые притчи Соломона вообще сохранили и записали «мужи Езекии, царя иудейского» (Притч 25:1) – люди, жившие спустя века после Соломона. Они не обладали авторитетом великого царя; может быть, они внесли что-то от себя, что-то напутали? Безусловно, нет. Если мы верим, что авторитет Писанию придает именно Церковь (в том числе и ветхозаветная Церковь, сообщество верных Богу сынов Израиля), то стоит говорить не о какой-то одной «диктовке», а о действии Святого Духа на всех этапах формирования этого текста. Библию написала, в конечном счете, Церковь, а не просто некоторое количество святых авторов.

И еще один очень важный, но отдельный вопрос связан с понятием богодухновенности – это вопрос о *буквальной непогрешимости* Писания. Если Библия – это Слово Божие, то она не содержит ошибок. Но значит ли это, что каждое ее утверждение необходимо понимать строго буквально? Вовсе нет.

К примеру, в Исх 7:17–25 описано, как вода в Ниле превратилась в кровь, но вряд ли анализ этой жидкости обнаружил бы в ней лейкоциты, эритроциты и т. д. Видимо, автор имел в виду, что вода приобрела неестественно красный цвет и сделалась непригодной для питья; такое понимание ничуть не подрывает авторитет Библии, но отдает должное челове-

ческому языку, на котором написана книга. В конце концов, когда в советское время цвет красного флага нам объясняли кровью, пролитой борцами за коммунизм, никто, разумеется, не предполагал, что каждое конкретное полотнище вымачивают в крови.

В качестве другого примера можно привести притчи Христа из Евангелий. Он говорит о простых и повседневных вещах: о рыбной ловле, земледелии, домашнем быте. Но всем понятно, что на самом деле он не сообщает информацию о каких-то конкретных сеятелях, виноградарях или рыбаках, но с помощью этих историй доносит до Своей аудитории некие важные духовные истины. Выяснять, где именно и когда именно сеял сеятель свои зерна, будет просто нелепо – конкретно такой случай, возможно, не происходил нигде и никогда, но нечто подобное происходит постоянно и повсеместно.

Это относительно простые случаи. Но вот о книге Ионы спорят много и подробно: это исторический рассказ о событиях, происшедших буквально так, как описано в книге, или же это поэтический вымысел, раскрывающий некие важные истины на примере придуманной истории? Свои доводы есть у каждой стороны, но приверженцы буквального прочтения книги обычно делают упор на богодухновенность этого текста: если это Писание, то сказанное в нем следует понимать как можно ближе к буквальности.

У сторонников буквального понимания этой книги есть

очень сильный аргумент: Христос говорил, что Иона провел три дня во чреве китовом, и ссылался на это как на факт (Мф 12:40). Но можно вспомнить и другой пример из той же самой главы. Христос говорит фарисеям: «Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?» (Мф 12:3–4). Он ссылается на историю, рассказанную в 21-й главе 1-й книги Царств: Давид, спасаясь от Саула, пришел к первосвященнику Ахимелеху и рассказал ему, что царь якобы отправил его выполнять срочное задание. Под этим предлогом Давид попросил у священника пищи, и тот согласился дать ему священные «хлебы предложения». Судя по рассказу Книги Царств, Давид был совсем один.

То есть на самом деле никаких «бывших с ним» не существовало, им просто неоткуда было взяться, а Христос ссылается здесь не на реальную историю, а на гипотетическую ситуацию: первосвященник, полагая, что с Давидом должен следовать целый отряд, дал разрешение воинам этого отряда есть священные хлебы при условии, что они ритуально чисты. Христос ссылается на это разрешение как на прецедент, потому что Ему важна в данном случае не фактическая точность рассказа Давида (ее как раз и не было), а сама позиция Ахимелеха: оказывается, в определенных ситуациях можно и даже нужно нарушать законы о ритуальной чистоте и свя-

тости.

Фундаменталисты видят в любом указании на подобные неточности текста подрыв авторитета Священного Писания. При этом они допускают возможную порчу текста в ходе его переписывания (так можно объяснить часть расхождений между библейскими книгами), но изначальный текст, по их мнению, был полностью свободен от ошибок, в том числе и в плане естественно-научных и исторических фактов. Следовательно, для наиболее последовательных фундаменталистов любые научные данные, противоречащие библейскому тексту, должны быть отвергнуты. Надо ли напоминать, что в свое время именно такие аргументы приводились против теории вращения Земли вокруг Солнца – ведь в Библии во многих местах ясно утверждается, что это Солнце вращается вокруг Земли!

Разумеется, такие аргументы нелепы. Люди того времени просто не знали того, что знаем мы, и описывали мир таким, каким они его видели. Кстати, мы до сих пор говорим: «Солнце встало», – хотя прекрасно знаем, что на самом деле это повернулась земля. Но человек, который скажет утром: «Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что в данное время в результате вращения Земли вокруг своей оси наша местность оказалась подвержена воздействию светового излучения солнца», – произведет очень странное впечатление. Куда проще сказать: «Солнце встало».

Итак, Библия удивительным образом сочетает в себе Сло-

во Божие и некое человеческое начало, и одно непредставимо в ней без другого. Богодухновенность — это удивительное проникновение Духа Божиего в плоть человеческой истории и культуры, и это взаимодействие не прекратилось, когда последняя точка была поставлена в последней библейской книге. Дух продолжает жить в Церкви, открываясь нам в том числе и при чтении Писания, и таким образом мы сами включаемся в ту череду лиц, страниц и веков, в начале которой было Слово.

3. Что такое библеистский канон?

Библия стоит на книжной полке – ее можно взять в руки, посмотреть оглавление. Но оказывается, что в разных изданиях список книг, входящих в Библию, может быть не совсем одинаковым. Почему так? Да откуда вообще взялся этот список (его еще иногда называют каноном)? Что означает включение в этот список какой-либо книги?

Канон – это образец

Само по себе слово *канон* – греческого происхождения и означает «правило, мерило, образец». В Церкви оно употребляется довольно широко: так могут назвать, по сути, любую норму церковной жизни: иконописные каноны определяют правила иконописания, а каноническое право – юридические стороны внутрицерковной жизни. Когда мы говорим о библейском каноне, то имеем в виду список книг, составляющих Священное Писание.

Сегодня нам легко открыть Библию и посмотреть, что напечатано под ее обложкой, но так было далеко не всегда. До изобретения книгопечатания полная Библия вообще была большой редкостью: книги были исключительно дороги, да и при тогдашней технологии том получался очень большим и тяжелым. Поэтому переписывали в основном отдельные книги или сборники, необходимые для богослужения.

Например, старейшее на Руси Остромирово Евангелие (XI в., Новгород) – это вовсе не те четыре текста, которые мы привыкли видеть в современных изданиях Нового Завета, и даже не один из них, а богослужебный сборник Евангельских чтений на разные воскресные дни и праздники, начиная с Пасхи. Такие книги в средние века встречались чаще, чем привычные нам полные издания библейских текстов, поскольку потребность в них была больше. Действительно, в

традиционном обществе Писание существовало прежде всего в контексте церковной жизни, а тех, кто обращался к нему «в часы досуга», было очень и очень немного, хотя бы из-за огромной стоимости книг. Примерно так же обстояли дела и в Палестине времен земной жизни Христа: единственный раз, когда мы видим Его со свитком Писания в руках, – это субботнее чтение пророка Исаии в синагоге.

Но было бы неверно считать, что в те времена к библейскому тексту обращались только отдельные знатоки. Нет, и простые люди, даже неграмотные, могли слышать Писание во время богослужения, в проповедях и беседах, охотно сами нередко цитировали его (зачастую неточно). Христос в Своих проповедях постоянно напоминает: «как написано; у них есть Закон и пророки». Это, конечно же, ссылки на Писание. Но Христос никогда не уточняет, какие книги в это Писание входят. Он разбирает множество других спорных вопросов, но только не этот. Таким образом, можно сделать вывод, что в Его времена никаких существенных разногласий по поводу состава Писания не было.

Так и апостолы, вступая в дискуссии с язычниками, или с первыми еретиками, или с не признававшими Христа иудеями, постоянно ссылаются на авторитет Писания – и нигде не определяют его границы. Более того, апостол Иуда Иаковлев в 9-м стихе своего Послания даже пересказывает сюжет из апокрифического «Вознесения Моисея», не входившего в состав Писания (подробнее о таких книгах будет сказано в

5-й главе), и это не единственный пример такой ссылки на неканоническую книгу. Оказывается, апостолы использовали в своей проповеди некоторые книги, не входящие сегодня в состав Писания.

Чужие книги

Итак, существовал ли во времена земной жизни Христа и первых Его учеников четко определенный канон? Судя по всему, нет. Люди читали одни и те же книги, но их авторитет, видимо, мог быть несколько различен: одно дело Закон, то есть Пятикнижие, на котором была основана вся жизнь общины, а другое – предание о вознесении Моисея, которое на центральном месте не будет стоять никогда.

В середине XX в. в пещерах около Мертвого моря, прежде всего в месте под названием Кумран, было найдено много рукописей, которые были туда спрятаны около 70 гг. н. э., во время неудавшегося восстания евреев против римского господства. Книги в этом собрании были самые разные. В одном свитке могли быть и те псалмы, которые мы сегодня видим в Библии, и другие, не известные нам, но похожие на них. Разумеется, этого слишком мало, чтобы говорить о каком-то особом «кумранском каноне»: в конце концов, и в наши дни издают сборники текстов и молитвословы, где канонические псалмы соседствуют с иными молитвами и гимнами. Да и сами обитатели Кумрана, скорее всего, стояли в стороне от основного направления иудаизма того времени, т. е. от фарисеев и саддукеев, так что их пример не очень показателен.

Когда же появился канон? Естественно, первым должен был возникнуть список книг Ветхого Завета. Иудейское пре-

дание, разделяемое и многими христианами, говорит, что это произошло сразу после возвращения израильтян из плена в V в. до н. э., во время деятельности книжника Ездры, но поверить в это довольно трудно: слишком много времени отделяет Ездру от первых перечней канонических книг. Кроме того, мы располагаем Септуагинтой, то есть греческим переводом Ветхого Завета, который начал создаваться в Александрии Египетской в III в. до н. э. В нее вошли книги, отсутствующие в современном еврейском каноне: Товит, Иудифь, Премудрость Соломона, Премудрость Иисуса, сына Сирахова, Маккавейские и др. (именно они сегодня присутствуют в православных и католических изданиях Библии, но отсутствуют в протестантских). Некоторые из них были написаны сразу по-гречески, но некоторые существовали и в еврейском оригинале – большая часть еврейского текста книги Иисуса, сына Сирахова была найдена уже в наше время.

Разумным представляется такой вывод: главные священные книги у евреев новозаветных времен были везде одинаковыми, но «дополнительный список» мог несколько различаться в разных общинах. Скажем, в Александрии читали книгу Товит, а в Палестине – нет. По-видимому, это всех устраивало, но только до конца I в. н. э. В это время Иерусалимский храм был разрушен, книги стали, по сути, самой главной святыней иудеев, а с другой стороны – произошел их окончательный разрыв с христианами. Пусть у тех и других был общий Закон и пророки, но христиане добавили к ним

свои собственные священные книги, которые иудеи категорически отказывались признавать.

Судя по всему, именно по этим причинам на рубеже I–II вв. окончательно сформировался иудейский канон, а из всех существовавших вариантов текста был выбран один, который сегодня мы называем Масоретским. Насколько мы можем судить, он был самым распространенным в Палестине, но все же не единственным.

Иудеи разделяют Ветхий Завет на «Закон» (подревнееврейски «Тора»), «Пророков» («Невиим») и «Писания» («Кетувим»). Название всей Библии образовано первыми буквами названий этих трех частей: ТаНаХ (буква «к» из «Кетувим» в конце слова читается как «х»). При этом иудейское деление книг внутри канона не совпадает с христианским: к «Пророкам» причисляются и ранние исторические книги, а вот Даниила относят к «Писаниям», видимо, потому, что эта книга была написана, когда состав «Пророков» был уже полностью определен и добавить к нему новую книгу было нельзя.

Что же читать в Церкви?

Первые христиане, как нетрудно догадаться, к решениям раввинов отношения не имели, поэтому о христианском каноне Писания в I в. говорить еще рано. Собственно, желание составить свой список библейских книг появилось со временем точно по той же причине: стали возникать разнообразные секты и ереси, которые предлагали свои собственные священные книги, и от этих книг нужно было оградить верующих. Поэтому и пришлось составлять списки. Они встречаются в произведениях отцов Церкви, живших во II, III и IV вв. – Иустина Философа, Ириней Лионского, Климента Александрийского, Кирилла Иерусалимского и других. Есть и анонимный список книг, названный «Мураториевым каноном» (по фамилии человека, обнаружившего его уже в новое время), датированный концом II в. Этого уже достаточно, чтобы делать выводы, какие книги христиане почитали священными в самые первые века своей истории.

Но у всякого человека, который начнет сравнивать между собой эти списки, они вызовут скорее недоумение: почему они так заметно расходятся и почему сами отцы этих расхождений как будто не замечают? Было бы понятно, если бы один богослов заявил: «Я считаю послания Климента Римского частью Нового Завета», а второй бы ему ответил: «Нет, они ни в коем случае туда не входят, равно как и Откровение

Иоанна Богослова» (именно такое разнообразие мнений мы находим в разных источниках). Но никаких споров не было, просто кто-то включал эти книги, а кто-то нет. Так, западные списки часто пропускали Послание к Евреям, не похожее на все остальные новозаветные Послания, а восточные – Откровение Иоанна Богослова, которое весьма непросто понять рядовому верующему.

Но во всех этих списках без исключения в новозаветной части мы найдем четыре известных нам Евангелия, книгу Деяний и почти все Послания Павла. В них могут отсутствовать Послание к Евреям, книга Откровения и часть Соборных посланий. Ориген уже в начале III в. перечислял эти четыре Евангелия, «которые только безоговорочно и принимаются в Церкви Божией». А в IV в. Кирилл Иерусалимский указывал: «В Новый Завет входят только четыре Евангелия, а остальные носят ложные названия и вредоносны. Манихеи написали Евангелие от

Фомы, которое, пороча благости имени Евангелия, губит души простаков. Принимайте также Деяния двенадцати апостолов и с ними семь Соборных посланий: Иакова, Петра, Иоанна и Иуды; и как печать на всех них и последних трудах учеников, четырнадцать Посланий Павла».

В то же время в ранние списки могли включаться и некоторые другие тексты, сегодня не входящие в Новый Завет: Послания апостола Варнавы и Климента Римского, «Пастырь» Ерма, «Дидахе» (иначе называемое «Учение двена-

дцати апостолов») и Откровение Петра. В отношении Ветхого Завета тоже не было полного единства: одни предлагали краткий список, совпадающий с иудейским канонem, а другие – полный, включающий все или по крайней мере некоторые книги Септуагинты. Так что все расхождения никак не меняют общей картины: во что верили христиане, что рассказывали они о Боге и об Иисусе Христе.

По-видимому, отцы стремились не столько дать недвусмысленное правило на все времена, сколько указать своей пастве, какие книги стоит принимать как священные, а какие – нет. Например, в IV в. святитель Афанасий Александрийский в 39-м праздничном послании перечисляет книги «канонизованные» (это первое в христианской литературе упоминание о каноне как о перечне священных книг) и «не канонизованные, но предназначенные отцами для чтения». В первую категорию входят все книги еврейского канона, кроме Есфири, и 27 привычных нам книг Нового Завета; во вторую – Есфирь, Премудрость Соломона, Премудрость Сираха, Товит, Иудифь, а также примыкающие к новозаветному корпусу книги «Дидахе» и «Пастырь» Ерма. Все остальные книги, говорит святитель Афанасий, читать не следует, но списка этих ненужных книг не приводит. Значит ли это, что он отвергает, к примеру, Маккавейские книги? Не обязательно. Возможно, в данном месте и в данное время их просто не было в наличии, и поэтому говорить о них было ни к чему.

Кстати, среди рукописей Мертвого моря почему-то нет книги Есфири, единственной из всех библейских книг. Может быть, это просто случайность, а возможно, эта книга уже тогда смущала людей — слишком уж много в ней ненависти к врагам... Но мы можем строить об этом только предположения.

В результате всех этих рассуждений к IV–V в. все христианские общины согласились признавать в Новом Завете 27 книг, которые мы и сегодня найдем в любой Библии, кроме эфиопской. Эфиопы добавили к своему Новому Завету творения, связанные с именем Климента Римского (Послания и «Синод»), а также книги под названиями «Обетования» и «Дидакалия». В части Ветхого Завета эфиопы тоже вполне оригинальны: они включают в него книги Юбилеев и Еноха, которые в остальном мире признаются апокрифическими. Эта особенность их церковной традиции свидетельствует о тех давних временах, когда библейский канон еще окончательно не сложился.

Есть ли граница между Писанием и Преданием?

Итак, Новый Завет практически у всех христиан содержит одни и те же 27 книг, но что касается Ветхого Завета, тут нет полного единства. Русская Православная Церковь признает 50 книг, примерно столько же (с минимальными отличиями) насчитывают другие православные и католики. Но протестанты

признают библейскими только те 39 книг, которые вошли в иудейский канон; можно сказать, что они его просто заимствовали.

Но почему сложилась такая ситуация с католиками и православными? Принято считать, что все самые важные решения принимались на Церковных Соборах. В связи с библейским каноном обычно вспоминают Лаодикийский Собор на Востоке (ок. 360 г.) и Третий Карфагенский на Западе (397 г.). Но на самом деле деяния этих Соборов далеки от окончательного разрешения всех вопросов.

Так, постановления Лаодикийского Собора дошли до нас в нескольких списках. Одни из них содержат 60-е, самое последнее, правило со списком библейских книг; другие завершаются 59-м. Это дало повод сомневаться в подлинности 60-го правила, которое перечисляет «книги, которые должно читать» – краткий список книг Ветхого Завета с добавлени-

ем книг Варуха и Послания Иеремии, и 26 книг Нового Завета, но без Откровения. 47-е правило Третьего Карфагенского Собора требует, чтобы «кроме канонических Писаний ничто не читалось в церкви под именем Божественных Писаний», и перечисляет знакомый нам полный список Ветхого Завета и 27 книг Нового.

Очень долгое время это разногласие никому не мешало. Когда в 691–692 гг. на Трулльском Соборе епископы занялись сведением воедино и кодификацией постановлений предшествующих Соборов, они подтвердили авторитетность и Лаодикийского, и Карфагенского Поместных Соборов, но не указали, какому списку книг нужно следовать. Но помимо этих двух Соборов, они ссылаются и на текст под названием «Апостольские постановления». В их 85-м (тоже последнем) правиле приводится список канонических книг, причем Новый Завет там представлен без Откровения, зато с двумя посланиями Климента Римского.

Возникает ощущение, что точный состав Библии отцы рассматривали далеко не в первую очередь и даже не особенно старались устранить явные расхождения: в подобном каноне просто не было особенной практической надобности. Правила Лаодикийского и Карфагенского Соборов не проводят никакой границы между истинными и еретическими книгами, а всего лишь определяют, какие книги могут читаться в церкви в качестве Писания. Если в одной церкви будут читать Откровение Иоанна Богослова, а в другой нет,

в этом расхождении не будет ничего страшного, лишь бы место этой книги не заняло какое-нибудь еретическое сочинение.

Ожесточенные споры разгорелись на Западе уже в эпоху Реформации, и касались они лишь Ветхого Завета. Впрочем, это были споры не только о точном составе библейского канона, но и о его значении. Протестанты говорили при этом об исключительном авторитете Писания, принципиально отличающегося от всех остальных книг. Если так, то вопрос о том, что входит, а что не входит в Писание, становится действительно жизненно важным. Например, католические богословы в поддержку идеи чистилища (и вообще идеи о том, что земная Церковь может повлиять на посмертную участь ее членов) приводили рассказ 2-й Маккавейской книги (12, 39–45) о принесении Иудой Маккавеем очистительной жертвы за умерших собратьев. Для католиков эта книга входит в состав Писания, а следовательно, молитва за умерших Библией предписана. Но, с точки зрения протестантов, эта книга не библейская, и даже если сама по себе она хороша и интересна, то утверждения ее автора не имеют вероучительного авторитета.

Православный мир не знал столь масштабных и принципиальных споров по поводу достоинства книг Товита, Иудифи и т. д. В результате сложилась ситуация, когда православные, следуя Лаодикийскому Собору, признают каноническими те же книги, что и протестанты, но включают в свои из-

дания Библии и неканонические книги, как католики. Таким образом, библейский канон оказывается меньше самой Библии!

Но странным это может показаться только в контексте западной Реформации, а не на Востоке, где не ставилась задача отделить Писание от Предания. Православные богословы иногда изображают их в виде концентрических кругов: в самом центре находится Евангелие, далее – другие библейские книги (понятно, что Послания Павла для нас важнее, чем Левит), затем – определения Вселенских Соборов, творения отцов и другие элементы Предания. Не так уж важно, где именно заканчивается Писание и начинается Предание, куда именно отнести Маккавейские книги или послания Климента Римского. Границы между истиной и ложью, между верой и суеверием, между церковностью и ересью гораздо важнее границ между Писанием и Преданием, которые, как и многое иное в Церкви, служат свидетельством «одного Духа и одних мыслей» (1 Кор 1:10).

4. Как соотносятся Писание и Предание?

Говоря о Библии, христиане называют ее Священным Писанием и ставят ее на самое первое место. Но всем очевидно, что жизнь христианских общин регулируется не только Библией. Православные, помимо Писания, говорят и о Священном Предании. Что же это такое и какова связь между этими двумя понятиями?

А что есть Предание?

Для начала зададимся вопросом: а как дошло до людей Писание? Принесли ли им Ангелы некую книгу? Нет, все было не совсем так. В жизни разных людей, начиная с Авраама, происходили разные события, которые они воспринимали как Откровение Божие и рассказывали своим детям и внукам. Потом часть этих рассказов была записана, к ним постепенно добавлялись другие. Но и то, что уже было записано, нуждалось в различных пояснениях: в конце концов, любая книга – это всего лишь буквы, и кто-то должен научить нас читать эти буквы и складывать из них слова.

Эти буквы содержат запись рассказов об Откровении, но сами они еще не есть Откровение, и более того, Откровение не ограничивается этими рассказами.

Очень упрощенно говоря, главные из записанных книг были названы Священным Писанием, а всё остальное – Преданием. Вопрос о соотношении Писания и Предания остается вечно актуальным; он по-разному трактуется в разных христианских деноминациях, к нему вновь и вновь приходится обращаться при решении практических проблем, возникающих в жизни Церкви.

В нашей стране этот вопрос можно часто услышать в диалогах между православными и протестантами: протестанты упрекают православных в том, что они заменили Писание

множеством каких-то своих собственных придумок, которые в Библии не найдешь, и назвали их Преданием. Православные, наоборот, отвечают, что с древнейших времен христиане не опирались на одно Писание, как свидетельствует, к примеру, святой Василий Великий: «Из сохранных в Церкви догматов и проповеданий некоторые мы имеем от письменных наставлений, а некоторые приняли от апостольского предания... Например, кто Писанием учил, чтобы уповающие на имя Господа нашего Иисуса Христа знаменовались образом креста? К востоку обращаться в молитве какое Писание нас научило? Слова призывания при преложении Хлеба Евхаристии и Чаши благословения кто из святых оставил нам в Писании?.. Благословляем также и воду крещения, и елей помазания... – по какому Писанию? Не по Преданию ли, умалчиваемому и тайному?»

И тогда протестанты обычно восклицают: «Да где же оно, это ваше тайное Предание, покажите нам список книг, которые его содержат?» Но вот как отвечает на этот вопрос наш современник, игумен Петр (Мещеринов): «Церковь не имеет догматического богословского определения, некоей точной формулы, что есть Св. Предание. Нет в Церкви книги, озаглавленной “Св. Предание”... Православная Церковь очень свободна, в отличие, например, от Церкви латинской. Вот они всё определяют точно, всё формулируют, всё схоластически догматизируют и записывают в толстые катехизисы. У нас этого нет; в Православной Церкви точно фиксиро-

ваны лишь очень немногие важнейшие вещи – только основы нашей религии; очень многое оставлено на свободу, на сам опыт жизни Церкви. В этом – глубочайшее уважение к человеку».

Значит ли это, что Предание – вообще всё, что угодно? Разумеется, нет. Его основу составляют решения Вселенских Соборов, сформулировавших важнейшие положения христианского богословия. Но эти положения не осталисьгой теорией, они нашли свое воплощение в богослужебных текстах, в иконописи, даже в храмовой архитектуре. Сама икона заняла в храме такое важное место только потому, что когда-то был принят догмат о сочетании Божественной и человеческой природ во Христе: изображается человеческий Лик, но он свидетельствует нам и о Боге. Наконец, многочисленные рассказы о жизни разных христианских общин и отдельных святых – тоже части Предания.

Для православных Предание – это, по сути, многовековой опыт жизни Церкви. Но если Писанием мы называем книгу вполне определенного содержания, то Предание просто невозможно определить такими рамками, как невозможно ими определить, скажем, семейные традиции. Если я скажу постороннему человеку: «У нас в семье принято поступать так-то и так-то», он может меня спросить: «А где это записано?» И мне нечего, по сути, будет ему ответить. Мы просто живем так...

Писание в центре Предания

Как же Предание соотносится с Писанием? Нам сегодня это может показаться удивительным, но первые десятилетия Церкви жила даже без письменного Евангелия. Как отмечает евангелист Лука в самом начале своей книги, он взялся за этот труд именно потому, что уже существовало немало устных рассказов и свое Евангелие он записал «по тщательном исследовании всего сначала» (Лк 1:3).

Видимо, нечто подобное происходило и с Ветхим Заветом: не то чтобы Моисей, спустившись с Синайской горы, сел и написал сразу всё Пятикнижие, или Исайя, получив Откровение, немедленно создал свою книгу от первой до последней страницы. Такого мы нигде не найдем в самой Библии. Напротив, в ней встречаются ясные указания, что ее книги складывались постепенно. В Притчах Соломоновых, например, есть такой подзаголовок: «И это притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского» (25:1). Но между Соломоном и Езекией прошло более двух столетий! Это как сборник стихов Ломоносова или Державина, впервые изданный лишь в наше время. То есть всё это время эти изречения Соломона существовали либо в устной форме, либо в виде каких-то отдельных документов, но они не входили в единую книгу Притчей.

Таким образом, можно сказать, что Писание постепенно

возникло в глубине Предания. Но это совсем не значит, что между Писанием и Преданием не может быть никакого напряжения. В тех же Евангелиях мы не раз читаем о том, как Христос обличал книжников и фарисеев, подменявших Писание «преданиями старцев» и возлагавших на людей «бремена неудобноносимые». И такое, конечно же, может происходить не только тогда, но и в наши, и в любые другие времена: человеческие традиции становятся самодостаточными, порой они просто заслоняют собой всё остальное.

Именно поэтому на заре Реформации отцы протестантизма отказались видеть в Предании нечто равноценное Писанию. Им возражали католики: и Писание, и Предание должны быть источниками вероучения.

А для православных Писание – центральная и самая важная часть Предания, не отделимая от всего остального. Впрочем, при этом надо отличать ту его часть, которая действительно стала достоянием всей Церкви и которую смело можно назвать Священным Преданием, от разных обычаев, пусть и полезных, но не имеющих общецерковного значения. На Карфагенском Соборе 257 г. один из епископов заметил: «Господь сказал: Я есмь Истина. Он не сказал: Я есмь обычай». Современный богослов, епископ Каллист Уэр, прокомментировал эти слова: «Есть разница между Преданием и традициями: многие унаследованные от прошлого традиции имеют человеческую и случайную природу. Это благочестивые (или неблагочестивые) мнения, но не истинная часть

Предания – основания христианской вести».

Предание как понимание

Люди, приходящие в Церковь, сначала соприкасаются с самыми внешними ее слоями: «А вот наш батюшка говорит... а вот мне в храме сказали...» Это вполне естественно, но на этом никогда не надо останавливаться. Периферийные круги должны согласовываться с центральными: что говорит приходской священник, не так важно, как постановление Вселенского Собора, а важнее всего, разумеется, Евангелие. И если видишь противоречие между одним и другим, то... нет, не надо торопиться. Надо сначала задуматься.

Мы прекрасно осознаем дистанцию между нами и отцами Церкви, когда рассуждаем об их святости и о своей греховности. Но при этом многие люди говорят так, будто нет вообще никакой дистанции между их пониманием и тем, что говорили отцы, словно любое наше повторение сказанных ими слов автоматически создает духовное тождество между нами и ними. Мы можем повторять слова Писания или его авторитетнейших толкователей, но это еще не значит, что именно наше нынешнее понимание этих слов является самым правильным: нужно проникнуть в самую суть их аргументов, понять их позицию и разглядеть, насколько она применима к нашей собственной ситуации. Следование отцам не есть механическое повторение.

Впрочем, авторитетным богословам стараются следовать

не только православные читатели Библии. Как вообще человек знакомится с Библией? Он в любом случае открывает ее не так, как открывают только что купленную в киоске книжку с абсолютно незнакомым названием. Нет, здесь любой читатель уже прекрасно представляет себе, вне зависимости от своих убеждений, что этот текст – Священное Писание христианской Церкви (а Ветхий Завет также иудейской общины), и всё, что прочтет, он будет так или иначе соотносить с этим своим предварительным знанием.

Если человек сам приходит к вере, он будет читать Библию по мере своего вхождения в общину верующих. У всякой общины есть свое вероучение, оно обязательно построено на Библии, установочные тексты (катехизисы, исповедания, литургические песнопения) постоянно цитируют или пересказывают ее. В результате человек, вступая в такую общину, в первую очередь знакомится не столько с самой Библией, которая пока для него слишком велика и сложна, а с упрощенным изложением вероучения, опирающимся на Библию.

Можно подумать, что это не относится к неверующим или к тем, кто, веруя в Бога, не принадлежит к определенной конфессии. Но это не так; свое мировоззрение есть у всякого. Один человек верит в буквальную истинность библейских чудес, другой – что чудес не бывает и все их описания суть вымысел или особый поэтический язык, но то или иное убеждение в любом случае берется им за основу, именно оно

определяет, какими глазами человек смотрит на текст.

Как мы знаем, христианских конфессий много, а еще больше существует светских философий и мировоззрений, и даже внутри одной конфессии встречаются люди разных взглядов и направлений. Потому и не существует абсолютно объективного, научно доказанного толкования Библии, которое можно было бы уподобить таблице Менделеева или карте звездного неба. Если бы оно существовало, его давно приняли бы все здравомыслящие христиане, отвергнув всё, что с ним не согласуется. Но они продолжают спорить, и каждый уверен в своей правоте. Так было всегда: например, в III в. Киприан Карфагенский и римский папа Стефан спорили о том, действительно ли крещение, полученное у еретиков, – но оба они погибли мученической смертью, оба прославлены как святые. Кстати, вопрос о том, чье именно крещение бывает недействительным, вызывает много споров и сегодня.

В спорах между конфессиями каждая сторона ссылается на своих отцов – православные, к примеру, на Иоанна Златоуста, католики на Августина Гиппонского, а протестанты на Жана Кальвина или Мартина Лютера. В этом смысле можно сказать, что свое Предание есть и у протестантов, пусть оно понимается несколько иначе и занимает более скромное место, чем у православных. Но ни один добросовестный баптист или адвентист не толкует Библию «с нуля», он стремится согласовать свои толкования с тем, что прежде него сказали братья по вере. Тот же Августин говорил: «Я не поверил

бы Евангелию, если бы меня не побуждал к тому авторитет католической Церкви».

Впрочем, по многим важнейшим вопросам все христиане имеют одинаковую или очень близкую точку зрения, и даже то, что казалось спорным во время Реформации, сегодня могут так или иначе признавать практически все христиане. Например, Лютер провозглашал, что Писание понятно всякому человеку на внешнем, грамматическом уровне, но глубинное понимание духовных истин приходит только под действием Святого Духа. Это говорилось в ответ на утверждение католических богословов того времени, что простому человеку Библия недоступна (не забудем, что тогда католики совсем не поощряли ее чтение на народных языках, а только на латыни). Но сегодня, пожалуй, мало кто из традиционных христиан станет возражать против такого подхода. Впрочем, на практике отступления от этого принципа встречаются: одни полагают, что даже сам язык Писания есть нечто таинственное, недоступное человеческому разуму (мне доводилось слышать, что при чтении текста не так важно, понимаешь ли ты смысл, ибо тебя освящает само звучание); другие наивно ждут, что смысл Писания исчерпывающим образом сам собой открывается перед ними при первом прочтении.

Отцы помогают нам нащупать золотую середину, поэтому понятию «Священное Предание» можно дать и такое определение: это опыт прочтения Священного Писания наиболее опытными и духовно зрелыми нашими предшественни-

ками и проистекающий отсюда опыт жизни по Писанию. Но в какой мере это их понимание, возникшее в давние века и в совершенно другой культурно-исторической обстановке, может быть полезным для нас сегодня? Это тема для отдельного разговора, и к ней мы еще вернемся в 12-й главе.

5. Что такое апокрифы?

Периодически можно слышать о сенсационных находках: новые «евангелия» и другие якобы неизвестные прежде тексты, возникшие на заре христианства, наконец-то расскажут нам всю правду... На самом деле ничего принципиально нового в этих находках нет; чаще всего речь идет о новых рукописях текстов, известных с давних времен под названием апокрифов. Но что такое апокрифы, откуда они взялись и как к ним относиться?

Книги на границе Библии

Сегодня, когда Библия выглядит как цельный том, ее читатели привыкли думать, что канон Библии всегда был определен, а граница между Писанием и всей остальной литературой была четко проведена и всем хорошо известна. На самом деле это далеко не так: когда пророк или евангелист начинал писать или проповедовать, он вовсе не ставил себе цели дополнить Библию еще одной книгой, нет, он сообщал людям то, что считал необходимым. И лишь затем община верующих – сначала древний Израиль, а затем христианская Церковь признавала его текст адекватным и точным изложением своей веры. При этом, конечно, всегда существовали лжепророки и лжеучители, творения которых община верующих отвергала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.